

УДК 323.329 (47+57)

Г.С. Криницкая

ЕЩЕ РАЗ О «НОВОМ» СИНТЕЗЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Рассматривается гендерная историография как одно из направлений постмодернизма, приведшего к созданию «новой парадигмы» в исторической науке. Главное внимание уделяется анализу гендерного метода исследования и «комплексующим» полидисциплинарного синтеза, которые манифестируются создателями данной парадигмы как «прорыв» в исторической науке.

Ключевые слова: гендерная история, верификация, полидисциплинарный синтез, новая парадигма.

Автору статьи уже приходилось обращаться к проблеме синтеза и верификации в современной отечественной историографии [1. С. 80–93]. Однако раз уж они возникли, то, не встречая жестких преград на пути своего распространения, не останавливают своего упорного наступления на все области исторического знания, порождая все новые «творения», не имеющие ничего общего ни с исторической практикой, ни с исторической истиной, но при этом позиционируя себя как «прорыв» в постмодернистском направлении развития отечественной мысли.

Отличительной чертой постмодернистского направления в отечественной историографии с его так называемыми дискурсными практиками выступает подмена поиска научной истины идеологически заданными «смыслами» и отказ от метафизики. В изобретаемые приверженцами дискурсов «исследовательские стратегии» совершенно произвольно в теоретико-познавательное пространство исторической науки вводится сомнительный с научной точки зрения социологической и психоаналитической инструментарий («иноинструментарий»), выбор которого мотивируется необходимостью решения задач «исторического синтеза», игнорируя при этом само содержание, логику и законы развития человечества.

Прямым следствием такого рода «смыслов», «дискурсов» и «синтезов» становится не только изгнание из исторической науки ее собственного исследовательского инструментария и превращение исторических фактов в обслуживающий ту или иную социопсихоаналитическую теорию материал, но и прямое извращение самих фактов, не «вписывающихся», согласно этих стратегий, в «комплиментарные» друг другу концепции, либо объявление их «мифологемами», поскольку при подобных подходах допускаются «замещения», «вытеснения», «гипотезы» и др. процедуры, которые выработала психоаналитическая традиция.

Таким образом, вместо исторической науки как полидисциплинарного знания о развитии человеческого сообщества в его государственных формах мы получаем реактуализацию теории рефлексологии В.М. Бехтерева, где личность – не разумно-нравственное существо, наделенное свободной волей, а совокупность психологических установок бессознательного; соответственно, народ – не свободный субъект исторического творчества, а «агент», приводимый в движение бессознательной харизмой вождя, поскольку, с точки зрения авторов новых исследовательских стратегий, представления классической науки о сугубо **рациональном** поведении как самого человека, так и его сознания, давно утратили научный кредит. А это означает, что постмодернисты отказывают сегодня исторической науке быть венцом знания о человеческом обществе, «верховой наукой о духе» и высшим выражением универсализма, каковой она являлась в России до конца XX века. Исторический процесс в постмодернистском синтезе превращается в игру слепых, бессознательных, темных сил и становится следствием «меняющегося алгоритма сексуального поведения вождя» [2. С. 26], как правило, патологического характера, природа которого коренится в «мутациях архаического гендерного кода», включающего в себя «оргиистический промискуитет» и «гомосексуальные практики». Последовательно снимаемая псевдоисторические покровы («сексуальные матрицы»), наброшенные изобретателями «полидисциплинарного синтеза» на современную историческую науку, и развенчивая их псевдоновизну, известные отечественные политологи А. Багатуров и Н. Радаев прямо указывают, что «новые синтетические конструкции» есть не что иное, как «эклетические построения», носящие «механический характер заимствования зарубежных концептов и методов», которые, претендуя на вселенскость, существуют, «как правило, автономно от материала», то есть от действительной истории [3. С. 195–198; 4].

Полностью разделяя точку зрения названных авторов, усмотревших несостоятельность новых псевдосинтезов в современной отечественной историографии, отметим в то же время, что опасность подобного рода «синтезов» состоит не только в том, что они дают ложное представление об историческом процессе, вводя в анализ его психиатрическое понятие большого времени («кросс-анализ»), которое появляется только в измененном состоянии сознания человека, но и в том, что созданные ими искусственные конструкты есть результат длительной политико-идеологической экспансии Запада в российское образовательное пространство под видом универсализации образовательных стандартов и унификации методологических подходов в виде «дискурсов». Поэтому не случайно А. Рохас ликует: «Сегодня мы переживаем момент полицентризма в рождении историографических и культурных новаций... никакой историографической гегемонии больше не существует, и школа итальянской микроистории столь же важна, как и деятельность четвертого поколения школы «Анналов», британская социальная история, критическая перспектива «миросистемного анализа», российская историческая антропология, латиноамериканская региональная история или немецкая социальная история и др.» [5. С. 28]. Это и есть эклектика, или «дискурс», с позиции которого объективной истины нет, она «несимпатична» и для ее существования необходимо создание «новой реальности», что сделать невозможно.

Что касается роли «российской исторической антропологии», на заслуги которой в рождении «историографических и культурных новаций» ссылается А. Рохас, то мы специально остановимся на ней далее, в процессе раскрытия научной несостоятельности «методологических опор» и «установок» «новой парадигмы истории». Сейчас хотелось бы заострить внимание на политико-идеологической составляющей этой парадигмы, поскольку главная ее опасность состоит в неверной постановке и столь же неверном решении проблемы идентичности относительно России, включенной сегодня в процесс глобализации.

Известно, что Россия изначально формировалась как евразийское государство, несводимое ни к Западу, ни к Востоку цивилизационное образование, и что ее евразийство есть «не только географическая данность, но и ментально-культурная реальность». Следовательно, и осмысливать Россию, ее историю и дальнейшую судьбу необходимо только с учетом уникальности русского мира, где расселение народов являлось делом истории и свободного их оседания, результатом чего и за-

вершением которого стала специфика истории России. Но «современная глобализация, в рамках которой сталкивается и осмысливается проблема идентичности, – верно указывает К.Х. Делокаров, – продукт западной социальной мысли. По сути, она представляет собою попытку универсализации тех моделей цивилизационного развития, которые сделали индустриально развитые страны Запада лидирующими в современном мире. В более узком смысле глобализация выступает как стремление к унификации мира на основе капиталистических отношений, желательно американского типа» [6. С. 189].

Именно такого рода «идентификации» в рамках унификации мира и подвергается Россия в «новой парадигме», где она (Россия) теряет всякую свою специфику, свою уникальность, свою, если хотите, русскую статью, превратившись в жалкий продуцент истории вследствие действия властного сексуально-патологического «гендерного кода» (впрочем, как и история других стран), поскольку для нового «полидисциплинарного синтеза» вовсе не важно, где, когда, в каком «царстве-государстве» и в результате действия каких политических, социально-экономических, духовно-нравственных или иных факторов разворачивался исторический процесс. Для нового псевдосинтеза, который, по сути, есть методологический сверхмонизм, важно одно, а именно: всеобъединяющий «методологический императив» или такая стратегия исследования, «которая соответствовала бы интегральному характеру самого исторического процесса», то есть глобализации, в условиях которой личность перестает быть *homo sapiens*, а становится (по И.Ю. Николаевой) «*homo politicus*», «*homo economicus*», но главное «*homo sexualis*».

По этой причине, повинувшись не разумному началу в сознании (мысли), а бессознательным «садомозахистским установкам» «архаичных матриц гендерного кода», и встали в гендерной истории в один безликий, внеисторический ряд Хлодвиг, Людвиг XI, Эдуард IV, И. Грозный, А. Гитлер, И. Сталин, В. Путин, «насильственно» удерживающий Ходорковского за решеткой, а также множество других государственных мужей, тотально и беспрестанно «насилая» садистски всех, кого им угодно – поистине горизонтальное насилие историей ее «агентами», то есть вождями, вершащими судьбы всех стран и народов. Поэтому и сам исторический процесс у гендернистов есть «меняющийся алгоритм сексуального поведения вождя» [2. С. 26].

Но что есть алгоритм? Алгоритм есть производное от сознательного начала, а не продукт

«бессознательного», который не алгоритмируется, следовательно, уже в самом определении сущности и логики исторического процесса гендернистами закладываются ошибки и логические противоречия со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если же учесть, что представители данного направления в историографии допускают в доказательной базе своих «концептов» различного рода «замещения», «упрощения», «спрямления», «гипотезы», «конвергенцию» взаимоисключающих подходов (синтез), глобальную архаизацию (сексуализацию) человеческой жизнедеятельности, отказ от «конкретного исторического материала» в силу якобы утраты им своей «непременности», включение «дискурса», отрицающего объективность истины, но, главное, использование ими в качестве безусловного доказательства исторической достоверности выводы психопатологии, то на выходе мы получаем не «новую парадигму», а некую химерическую конструкцию и явный абсурд, весьма опасный не только для собственно исторической науки, но и для современного политического руководства, поскольку политика, подобно истории, имеет в виду исследование всей совокупности явлений человеческой жизни, а **фактическим** основанием политической науки является именно история.

Убедительным свидетельством справедливости наших выводов относительно сущности «новой парадигмы» может служить один из подобного рода «концептов», представленных в монографическом исследовании. Автор монографии, отметив, что «проблема полидисциплинарного синтеза и верификации в истории являются областью напряженной рефлексии западных и российских историков», заявляет, что в нынешней историографической ситуации «карты сдаются заново», так как «время произвольно создаваемых междисциплинарных подходов прошло», а потому авторской задачей будет «конструирование полидисциплинарной технологии», то есть синтеза как нового метода исторического познания. «Фокусом» этого метода объявляется «бессознательное», поскольку, утверждает автор, «бессознательное является той сферой, без анализа которой исследование социальной природы ментальности человека, равно как и движение в направлении к историческому синтезу, по определению невозможно» [7. С. 360]. В качестве «комплектующих» нового синтеза в историческом познании автор называет: коллективное и индивидуальное бессознательное, психологию и историческую антропологию. Способом проверки результатов выбирается принцип верификации – основное понятие локковского ло-

гического позитивизма, давно отвергнуто обществоведческой наукой. Реализация верификации в монографии осуществляется «посредством сопоставления микроанализа с имеющимися макротеориями» [7. С. 363–366].

Как видим, ничего нового, а тем более революционного, в заявленной автором претензии не просматривается: аналогичная попытка синтеза микроанализа с макротеориями (Фрейд, Хорни, Фромм др.) в исторической науке уже имела место в 60–70-х годах XX в. и закончилась, как известно, полными провалом: мировое историческое сообщество признало выводы и итоги психоистории «несостоятельными». Однако, исходя из ложного посыла, состоящего в том, что «новейшее знание» в условиях глобализации «утратило «в качестве форсидеи **идею Творца**», и воспользовавшись действительно некоторой растерянностью профессионального сообщества в связи с кризисом прежних методологических принципов, приверженцы гендерного подхода попытались вновь реанимировать давно умершее детище фрейдистов – бессознательное, – придав ему силу Творца основного закона всемирной истории.

На самом деле, Творец-то, дающий основной закон всемирной истории, согласно гендернистам, умер! Следовательно, образовалось вакантное место в глобальной истории. А кто теперь даст ей закон, коль скоро новейшее знание «столкнулось с большими методологическими и историко-философскими трудностями в определении закона»? [11. С. 57]. Кто, подобно Богу, скажет: «Не иди далее». А ведь гендерная история уже готовилась идти далее, поскольку автор данной монографии так и пишет: «Медико-биологические, демографостатистические и другие дисциплинарные планы... составляют перспективу системного анализа в истории» [7. С. 363]. Вот так и объявился новый «творец» истории – великое «бессознательное», которое в «новой парадигме» гендернистов не имеет границ и изъято из изменяющихся условий пространства и времени, одним словом, – Бог. Таким образом, и у современных гендернистов бессознательное становится основным законом истории, диктуя им выбор «эпистемологических ориентиров», и у психиатра Фрейда оно (бессознательное) является причиной истории человечества, его морали, науки, искусства, государства, права, войны и т.д.

Как видим, ничего действительно нового изобретатели «новой парадигмы» исторической науке не представили. С точки зрения здоровой исторической мысли это всего лишь одна из неудавшихся спекуляций, тщательно закомуфлированная в

«инодисциплинарный» инструментарий понятий другой научной сферы, причем понятий, которые могут «браться напрокат» для решения исследовательских задач, минуя сложную систему методолого-теоретических допусков. Благо, психолог В.А. Шкуратов этот прием допускает [12. С. 109], сам запутавшись в плотно расставленных сетях для ловли историков безобидной, с первого взгляда, современной российской антропологии, предметом изучения которой изначально являлось племенное подсознание народов, то есть то же самое торжествующее «бессознательное».

Но, пожалуй, самое любопытное, что автору данной статьи удалось обнаружить, развенчивая псевдоновизну «новой парадигмы», состоит в том, что сам З. Фрейд, проводивший свои эксперименты в психиатрической клинике всего над пятью (!) психобольными, отказался в последующем от своей теории и всячески протестовал против философского ее обобщения. Однако философы превратили-таки его показания в целое философское направление, которое во второй половине XX века благополучно перекечевало в историческую науку, а в начале XXI века превратилась уже в «базу» для сторонников гендерного в методологии истории. Таким образом, в основе широко провозглашенной Т.С. Хаймером «масштабной революции» в историографии [10. С. 14], приведшей якобы к созданию «новой парадигмы», в действительности лежат ничтожные по своим масштабам экспериментальные данные, полученные психиатром З. Фрейдом при обследовании пятерых психобольных. Поэтому ни на какую «вселенскую» новизну она претендовать не может, равно как и гендерная «революция» в историографии не может представлять собою «глобальное как в содержательном, так и во временном планах явление» [7. С. 9]. В действительности – это весьма опасная метаморфоза, давно, но безуспешно пытавшаяся закрепиться в качестве универсальной и в зарубежной, и в отечественной историографии.

Но, возможно, парадигмальная новизна гендерного метода возникает в результате полидисциплинарного синтеза его «комплекующих»? Однако и здесь, стоит только задаться естественным, логическим вопросом, никакой новизны мы не обнаружим, зато встретим логический абсурд, выдаваемый авторами полидисциплинарного синтеза за революцию.

Начнем с первого их «комплекующего» – индивидуального бессознательного. Бессознательное входит в структуру сознания и является составной частью единого целого – сознания. Следовательно, «синтезироваться» с чем-либо это бессознательное

может (способно) только вкупе с сознательным началом – другой составной частью единого целого. Самостоятельно существовать, игнорируя сознание, а тем более действовать в истории бессознательное не может, за исключением случаев кратковременного аффекта или безумия, что происходит в человеческом роде чрезвычайно редко. А для общей логики развития истории, которая есть развитие человеческой мысли (то есть сознательного начала), и вовсе его «действие» остается незамеченным, в худшем случае – печальным эпизодом. Но, если же признать, что бессознательное есть господствующее начало в сознании и действует в истории самочинно («рок»), игнорируя или подчиняя себе сознательное начало (разум), то в итоге мы получаем полное безумие всего человечества. Следовательно, и сама история превращается в историю его безумия, что есть абсурд. А ведь именно этот вывод и следует из «новых» концептов гендернистов, избравших «фокусом» полидисциплинарного синтеза бессознательное.

Тот же результат мы получим, если рассмотрим логическую возможность синтеза индивидуального бессознательного с коллективным. В самом деле, и индивидуальное, и коллективное бессознательное принадлежат к явлениям **односущностного** порядка. Следовательно, они взаимодействуют друг с другом в историческом процессе (при безусловном включении сознательного начала) естественным образом. Но это не есть синтез, который предполагает соединение различных элементов, то есть разнопорядковых сущностей в целое. А это означает, что синтезировать индивидуальное и коллективное бессознательное в историческом исследовании, к тому же минуя сознательное начало, во-первых, логически абсурдно, во-вторых, методологически беспринципно.

Правда, классики русской историко-философской мысли обращались к вопросу о роли сознательного и бессознательного в процессе познания, к примеру Б.Н. Чичерин, но лишь с одной целью: показать, что «высшая задача науки заключается в приведении начал и законов, управляющих явлениями, к началам разума» [13. С. 15]. Так, раскрывая роль сознательного элемента (мысль и воля) и бессознательного (чувства и влечения) в историческом познании, Б.Н. Чичерин указывал, что «бессознательный элемент сам по себе не подлечит ни внутреннему, ни внешнему опыту: как душевное свойство, он недоступен внешним чувствам, как бессознательное начало, он не может быть предметом внутреннего сознания» [13. С. 12]. А поскольку это так, то необходимо выяснить, что происходит от бессознательного элемен-

та, а что – от самого разума. Следовательно, начинать исследование нужно с исследования законов сознательного элемента («Орудие познания должно, прежде всего, познать себя») и только затем, определив, что именно в конкретных элементах составляет долю разума, судить о действиях бессознательного элемента. А это означает, делает вывод Б.Н. Чичерин, какое бы разделение мы ни делали, ни внешние, ни внутренние предметы, действующие на разум, **не могут быть исследованы помимо разума**... Следовательно, мы должны начать с чисто формальной деятельности разума, то есть с чистой мысли» [13. С. 14].

А в чем состоит природа разума? Истинная природа разума состоит в **сознательной** деятельности, а сознательная деятельность предполагает сознание тех законов разума, которыми он руководствуется (закон причинности, закон тождества, закон противоречия, закон достаточного основания, закон исключительного третьего). Поэтому, «прежде чем разум наблюдает, он уже действует, руководствуясь этими законами» [13. С. 15]. Но поскольку законы разума распространяются на все без исключения явления, то и высшая задача науки заключается в привидении этих явлений к началам и законам разума, а не к бессознательному началу.

Однако, как мы уже отмечали, гендернисты произвольно избрали «фокусом» своей «новой парадигмы» «бессознательное» и столь же произвольно, отрывая разум от психики, которая функционирует «по принципу удовольствия», заявляют, что «исследователю придется **расстаться** с представлением классического знания о сугубо рациональном **поведении** как самого человека, так и его сознания» [7. С. 67]. Но, расставшись с рациональным (разумом), они расстались, таким образом, и с научным объяснением развития исторического процесса, превратив историю в тотальный оргиистически-сексуальный процесс с целью получения «удовольствия». Напомним, как в этой связи иронизировали в широких научных кругах 60–70-х годов XX века физики: «В наших секретных лабораториях методом произвольного тыка было получено удовольствие» (в эти годы произошло развенчание теории З. Фрейда) и основанной на ней психоистории).

Весьма сомнительным представляется и привлечение в качестве еще одной «комплектующей» полидисциплинарного синтеза – психологии, поскольку свой «иноинструментарий» (язык) гендернисты заимствуют главным образом из области психиатрии, а не психологии. Действительно, предметом последней является психика и сознание

нормального человека, а не психопатия, относящаяся к ведению психиатрии, чьи «наработки» гендернисты используют при объяснении исторических явлений. Убедиться в этом несложно – достаточно открыть последнюю работу А.В. Рассохина «Рефлексия и внутренний диалог в измененном состоянии сознания», то есть патологии [14]. Не следует забывать и тот бесспорный факт, что теоретико-методологической базой для всех «мэтров» психоанализа, на труды которых ссылаются творцы «новой парадигмы», является все тот же психиатр З. Фрейд, отказавшийся, в конечном счете, от своей теории психоанализа, и о чем, без малого целый век, умалчивают изобретатели новых «концептов».

Наконец, обратимся к рассмотрению роли и значения принципа верификации, поскольку разработанные авторами «новой парадигмы» результаты псевдосинтеза и содержащиеся в нем «комплектующие», проверяются ими на «достоверность» с помощью принципа верификации – основного понятия логического позитивизма О. Конта.

По убеждению отечественных гендернистов, конструируемая ими «исследовательская технология создает основу для верификации делаемых выводов» [7. С. 39], а, согласно их зарубежным единомышленникам, «возможно, что между природой гипотез и природой верифицирующих их элементов существует более тесная связь» [15, С. 13]. Но посмотрим, насколько контовский принцип верификации способен действительно выполнить роль критерия истины в исторической науке, тем более, что один из наиболее ортодоксальных представителей полидисциплинарного синтеза вынужден был признать, что в последнее время «в достаточно широких кругах не только тех, кто связан с точными науками, но и собственно в профессиональной сфере термин «верификация» фактически исчез со страниц серьезных исторических журналов и книг» [7. С. 40] и вызывает только иронию и откровенный скепсис [16. С. 460]. Однако причина данного скепсиса кроется вовсе не в методологическом кризисе, который «порождает... реакцию неверия в силу и значимость истории как научной дисциплины», что нам пытается внушить автор монографии, а как раз наоборот: именно верификация и явилась одной из главных причин, порождающей кризис науки. На этом основании она и отвергается, чтобы защитить историческую науку от нового проникновения в нее антинаучного метода О. Конта.

Как хорошо известно в «широких научных кругах», мощный заслон на путях проникновения

контовского принципа верификации в науку был поставлен еще на рубеже XIX–XX вв. великим русским мыслителем Б.Н. Чичериным, первым раскрывшим полную научную несостоятельность изобретенной О. Контом социологии как новой отрасли философского знания.

Исследованию сочинений О. Конта Чичерин посвятил одно из лучших своих сочинений: «Положительная философия и единство науки», в котором он, подвергнув всестороннему анализу учения философа, пришел к следующему заключению: «Пока положительная философия следила только за выводами положительных наук она, несмотря на свою односторонность, стояла на твердой почве. Но как скоро она захотела на основании собственных начал построить новую науку, она вдалась в область чистейших фантазий, которые могли обличить ее внутреннюю несостоятельность» [17. С. 305].

Помимо названного сочинения, которое В.Н. Сперанский назвал «гигантским сочинением», дающим все основания «удивляться беспримерной универсальной широте его научно-философского кругозора», Чичерин посветил О. Конту большой раздел в «Истории политических учений» и в «Философии права». В последней из них он пишет: «Огюст Конт сочинил новую науку, социологию, которая должна была обнимать все отрасли знания, касающиеся человеческих обществ, служа им общей основой. В ней он видел венец воздвигнутого им философского знания, которое, в сущности, было полным отрицанием всякой философии... Полнейшее извращение фактов при отсутствии всякого ясного взгляда и чисто фантастическое построение будущего – таковы были единственные результаты этой попытки» [18. С. 8].

Таковыми же оказались и результаты попытки изобретателей «новой парадигмы» с ее полидисциплинарным синтезом и верификации исто-

рии. Созданные ими псевдоисторические «концепты» ничего не дают исторической науке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Креницкая Г.С. Проблема метода научного познания в исторической концепции Б.Н. Чичерина // Исторические и философские исследования в Сибири. Томск, 2007.
2. Николаева И.Ю. Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2006.
3. Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. Т. 5, № 1. С. 195–198.
4. Радаев В. Есть ли шанс создать российские национальные теории в социальных науках // Pro et Contra. Т.5. № 3.
5. Агирре Рохас К.А. Западная историография XX века // Диалог со временем: Альманах итальянской истории. М., 2002. Вып. 9.
6. Делюкаргов К.Х. Иван Киреевский и идеи славянофильства: теория, история и современное осмысление / Славянофильство и западничество. Материалы круглого стола. М., 2007.
7. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010.
8. Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 55.
9. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т.2. С. 2, 4.
10. Hamerrow T.S. Reflection of History ance Historians. Madison, 1987. P. 14.
11. Володихин Д.Н. Призрак третьей книги: методологический монизм и глобальная архаизация // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. М., 2002. Вып. 9. С. 57.
12. Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания // Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М., 1991.
13. Чичерин Б.Н. Наука и религия. М., 1901.
14. Россохин А.В. Рефлексия и внутренний диалог в измененных состояниях сознания. М., 2010.
15. *Анналы на рубеже веков: антология*. М., 2002.
16. Эко У. *Имя Розы* // Постмодернизм, ирония. Занимательность. М., 1989.
17. Чичерин Б.Н. Положительная философия и единство науки. М., 1892.
18. Чичерин Б.Н. *Философия права*. М., 1990.